
Совершает ли историческая эпистемология онтологический поворот?*

© 2021 г. Л.В. Шиповалова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7/9; Институт философии РАН, Москва,
109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: ladaship@gmail.com

Поступила 05.11.2020

Статья посвящена проблематике исторической эпистемологии как актуального направления исследований научного познания. В фокусе оказываются вопросы о соотношении исторической эпистемологии и исторической онтологии, об историческом событии, а также о различии работы историка науки и исторического эпистемолога. Обсуждение их выстраивается в диалоге с публикацией И.Т. Касавина «Знание и реальность в исторической эпистемологии». Выдвигается тезис о том, что эпистемология обоснованно именуется исторической, если она не только осуществляет первичное эпистемологическое схватывание историко-научного события, но и совершает онтологический поворот. При интерпретации онтологического поворота используется его трактовка в современных антропологических исследованиях. В качестве существенных элементов онтологического поворота рассматриваются историко-научное событие, задающее направление онтологического поворота, и исторический эпистемолог как его субъект. Событие трактуется как начало более чем одного причинного исторического ряда, как неисчерпаемый для исторического познания источник научного знания. Работа исторического эпистемолога раскрывается как проблематизация собственной позиции и локальная координация возникающих причинных исторических рядов. Приводятся примеры такой работы современной исторической эпистемологии из текстов Л. Дастон и П. Галисона. Делается вывод, что характер связи эпистемологии и онтологии в исторических исследованиях науки, а также взаимодействие историка и эпистемолога зависят от того, истолковываются ли эти позиции как стабильные и жестко различенные, или признается, что между ними происходит постоянное движение.

Ключевые слова: наука, история науки, историческая эпистемология, историк науки, эпистемолог, онтологический поворот, событие.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-58-69

Цитирование: Шиповалова Л.В. Совершает ли историческая эпистемология онтологический поворот? // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 58–69.

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

Does the Historical Epistemology Make the Ontological Turn?*

© 2021 Lada V. Shipovalova

Saint Petersburg University, 7/9, Universitetskaya emb.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., 109240, Russian Federation.

E-mail: ladaship@gmail.com

Received 05.11.2020

The article deals with the problems of historical epistemology as a topical direction of scientific knowledge research. It focuses on the relationship between historical epistemology and historical ontology, on historical event, and on the difference between the work of a historian of science and a historical epistemologist. The author builds a dialogue with the publication of I.T. Kasavin "Knowledge and Reality in the Historical Epistemology". She puts forward the thesis that epistemology is justifiably called historical if it not only performs the primary epistemological grasp of a historical-scientific event, but also makes an ontological turn. When interpreting the ontological turn, she uses its understanding in contemporary anthropological research. The essential elements of the ontological turn are the historical event that sets the direction of the ontological turn and the historical epistemologist as its actor. The author interprets the event as the beginning of more than one causal historical series, an inexhaustible source of scientific knowledge for cognition. The work of the historical epistemologist is revealed as problematization of one's own position and the local coordination of emerging causal historical series. The author gives the examples of such work of contemporary historical epistemologists from the texts of L. Daston and P. Galison. It is concluded that the relationship between epistemology and ontology in historical research of science, as well as interaction between the historian of science and epistemologist, depends on whether these positions are interpreted as stable and rigidly differentiated or whether the movement between them is recognized as necessary.

Keywords: science, history of science, historical epistemology, historian of science, epistemologist, ontological turn, event.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-58-69

Citation: Shipovalova, Lada V. (2021) "Does the Historical Epistemology Make the Ontological Turn?", *Voprosy filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 58–69.

Непосредственным поводом для данного текста служит продолжающаяся уже несколько лет дискуссия на страницах отечественных философских журналов о дисциплинарных границах, предметной определенности и проблематике такого актуального направления исследований научного познания, как историческая эпистемология [Гавриленко 2017; Касавин 2018; Столярова 2018а; Столярова 2018б]. Можно считать началом и, в определенном смысле, движущей силой этих дискуссий отмечающую

---

* The research was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project "New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach", Agreement No. 075-15-2020-798).

в этом году двадцатилетний юбилей со дня публикации книгу И.Т. Касавина «Традиции и интерпретации. Очерки исторической эпистемологии» [Касавин 2000]. Статья того же автора «Знание и реальность в исторической эпистемологии» [Касавин 2020] еще раз демонстрирует актуальность обсуждаемых проблем и, подводя итоги, не ставит в дискуссиях точку, но, напротив, приглашает к продолжению разговора. Именно эта последняя публикация предлагает тезисы о соотношении исторической эпистемологии и исторической онтологии, о событии, а также о различии работы историка науки и исторического эпистемолога, обсуждение которых мне хотелось бы продолжить в представленном тексте.

Следует отметить, что проблематика исторической эпистемологии, имеющей предметом исследования историческую конкретность оснований научного познания, часто переступает границы строгой дисциплинарной определенности и выходит далеко за рамки ее значимости в отечественном интеллектуальном пространстве. Она связана с близкими по духу исследованиями, например с культурно-исторической эпистемологией, делающей акцент на культурных контекстах познания [Пружинин, Щедрина 2020], пересекается с социальной эпистемологией, подчеркивающей его общественные детерминанты [Shapin 1990]. Источники и мотивы возникновения исторической эпистемологии обнаруживаются как на стороне истории науки, обращающейся к обсуждению эпистемологических проблем [Rheinberger 2012], так и на стороне теории познания, рассматривающей в историческом ключе предпосылки научной деятельности [Lescourt 1975]. Аналитику исследований, которые могут быть обозначены этим именем, можно обнаружить в моей статье «Современная историческая эпистемология» [Шиповалова 2018]. Ближайший для моего текста зарубежный контекст, который, однако, активно связывает себя с широкой интеллектуальной традицией исторического исследования познания, – это современная англоязычная версия исторической эпистемологии, присутствующая в работах представителей как американских, так и континентальных научных центров (в частности, Института истории науки М. Планка в Берлине) [Rheinberger 2010]. Безусловно, даже это направление, использующее понятие исторической эпистемологии для своего именованья, не является гомогенным. Стоит согласиться с высказыванием С.М. Гавриленко о том, что историческая эпистемология представляет собой «концептуальное пространство, лишенное строгих границ и четких очертаний, где размещаются, вследствие отказа от фундаментальных философских очевидностей в отношении знания, его новые проблематизации и где пытаются с ними каким-то образом работать, в том числе в режиме радикального теоретического воображения и экспериментирования» [Гавриленко 2017, 26]. Однако такой более или менее осознанный отказ от фундаментальности не отменяет возможности отчетливой постановки актуальных вопросов и предложения их развернутого рассмотрения.

Настоятельность одного из них, не впервые поднимаемого в европейской интеллектуальной традиции и однажды названного в философии скандальным, содержательно мотивирует мой текст. Это вопрос о существовании вещей вне нас, который сегодня в том или ином виде попадает в поле дискуссий в спекулятивном реализме, объект-ориентированной онтологии, новом материализме и т.д. Современные тенденции возобновления этого вопроса, назовем его онтологическим, можно связать с критicismом относительно нейтральности научного познания, претендующего в силу этой нейтральности на адекватное и единственно возможное схватывание независимой от познания реальности [Denzin, Giardina 2019]. Пределы такой претензии обнаруживаются – особенно в социальных науках – в несоответствии между реальностью, находящейся в кризисе и непрерывных трансформациях, и научным дискурсом о ней, допускающим окончательность и полноту объяснения существующего положения дел, – в несоответствии, требующем изменения теоретических стратегий. Смена концептов, вызванная подобным требованием, происходит и в эпистемологии, имеющей в фокусе исследования реальность современных научных практик. Возникновение концептов «интерактивной экспертизы» (Г. Коллинз, Р. Эванс), «дилетантов-экспертов» (Б. Вейн),

«постнормальной науки» (С. Фунович, Дж. Равец) и близких им по духу может служить симптомом перемен. Новые понятия призваны представлять иную реальность научных коммуникаций и работы ученого со своей предметной сферой, реальность риска, неопределенности, революционных перемен, которая вытеснялась в «бессознательное» традиционной эпистемологии и провозглашалась невидимой даже в традиции философии науки 60-х гг. прошлого века. В целом, современная реальность экологического и социально-политических кризисов, техногенных и природных катастроф, встречи с другими культурами в постколониальном мире утрачивает статус уже понятой и объясненной, раскрывает незавершенность любого стабилизированного научного дискурса о себе, требует его полного обновления. Такая реальность настаивает на истолковании себя как существующей вонне и независимой от нас и провоцирует в науке «онтологический поворот», обращающий исследовательское внимание к тому, что принципиально отличается от познанного нами [Holbraad, Pedersen 2017]. Пересмыслению при этом подвергаются и сами отношения между эпистемологией и онтологией¹. Вивейруш де Кастру, радикализируя смысл происходящих в современной науке и теории познания изменений, констатирует «полное упразднение различия между эпистемологией (языком) и онтологией (миром) и постепенное формирование “практической онтологии”... в которой познание – способ не представления непознанного, а взаимодействия с ним, то есть способ скорее создания, чем созерцания» [Вивейруш де Кастру 2017, 68].

Насколько описанные тенденции оказываются актуальными и для исторической эпистемологии? Что делает их оправданными и в этом поле? Есть ли у таких дискуссий необходимый предмет, или их источником служит исключительно провокация некоторых авторов, пытающихся совершить антикоперниканский поворот в исследованиях науки? Правомерно ли говорить об онтологическом повороте исторической эпистемологии или даже об отделении от нее исторической онтологии? Развернутый ответ на эти вопросы будет представлен ниже.

О значении онтологического поворота для исторической эпистемологии

С одной стороны, само многообразие подходов эпистемологов, обращающихся к историческим основаниям научного познания и использующих при этом историческую онтологию в качестве имени для своих исследований или для существенных философских вопросов, заставляет предположить предметность их речей и легитимность указанных тенденций. Историческая онтология трактуется как обращение к возникновению объектов научного исследования [Hacking 2002, 4], как поиск ответа на вопрос о том, «каким образом мы создали себя в качестве субъектов своего знания» [Фуко 2000, 147]. Она предполагается всегда сопровождающей эпистемологию, дополняющей тезис последней о *способах* познания собственным тезисом, о том, *что* мы познаем [Столярова 2018а, 196]. С другой стороны, не менее значимы и примеры критики такого рода именованья и стоящих за ним интенций. При этом подчеркивается принципиально вторичный статус онтологии по отношению эпистемологии [Никифоров 2018], мистический характер прямого ответа на вопрос о том, *что есть* [Касавин 2018]. Кроме того, утверждается избыточность исторической онтологии относительно исследований научного познания, по крайней мере, когда речь идет об объектах науки, имеющих устойчивый реальный референт. В этом случае историзация должна затрагивать только описание научных репрезентаций объекта, но не относиться к нему самому [Arabatsis 2003]. Представляется, что в этом пространстве дискуссий есть необходимое место для прояснения того, почему они возможны и насколько могут быть связаны крайние позиции. Я постараюсь показать возможность движения от крайностей, ответив на два вопроса. Зачем исторической эпистемологии, по преимуществу обходящейся без онтологических экспликаций, дополнительное внимание к онтологическому вопросу о собственной предметной реальности? Почему историческая онтология

должна не заменять собой историческую эпистемологию, возвращая себе утраченную после трансцендентального поворота автономию, но оставаться непосредственно взаимодействующей с ней?

Отвечая на эти вопросы, следует оттолкнуться от истолкования исторической эпистемологии, присутствующего в статье Ильи Теодоровича Касавина, как «особого философского дискурса, который конституирует и использует историческое знание для вписывания в культуру некоторой новой исторической реальности, возникающей на стыке науки и общества» [Касавин 2020, 7]. В этом определении существенны как минимум два момента. Во-первых, историческая эпистемология задается как работа по переводу или связыванию знания и реальности. В этом смысле она не может не содержать в себе онтологических экспликаций, предполагающих то или иное истолкование реальности. Во-вторых, даже если знание, используемое и конституируемое исторической эпистемологией, существует в разных формах, можно поставить вопрос о различии познавательной работы перевода, с одной стороны, и знания, с которым осуществляется связь, с другой. Для того чтобы эта работа исторической эпистемологии не оставалась не проясненной интуицией, чем-то мистическим в смысле Витгенштейна, необходимо, чтобы она отчетливо сама себя показывала, чтобы ее средства были раскрыты и поименованы. Кроме того, чтобы перевод, очевидно завершающийся определенным знанием, не породил проблемы третьего человека, необходимо, чтобы схватывающие его концепты не выражали ничего, кроме движения от одной стороны (знания) к другой (реальности). В трактовке И.Т. Касавина, это движение выражено посредством понятий «конструирование» и «использование». К возможному концептуальному дополнению этих жестов я еще вернусь.

Итак, первая крайность, критикуемая мною, связана с сомнением в значении онтологической составляющей работы исторической эпистемологии, ее онтологических экспликаций. Если допускается вторичный, подчиненный статус исторической онтологии, она трактуется двояко: как некоторая фундаменталистская, и в этом смысле наивная, позиция или как «рефлексивная или эпистемологически фундированная онтология», сформированная благодаря тому, что наивная онтология схватывается «эпистемологической дистинкцией» [Антоновский, 2018, 213]. Такое истолкование онтологии отражает общий смысл корреляционизма (К. Мейясу), состоящий в следующем: можно говорить о существующем лишь постольку, поскольку оно познано в том или ином смысле, а кроме того, необходимо признавать принципиальную асимметрию между реальностью и наблюдательной перспективой. В случае признания корреляции и асимметрии познавательное движение исторической эпистемологии, перевод между реальностью и знанием, который она реализует, осуществляется только в одном направлении – от реальности к знанию как эпистемологически схваченной реальности. Такая позиция, подвергаемая критике, скажем, в контексте спекулятивного реализма, заставляет заменять любую попытку говорить о независимо существующей реальности молчанием или отдавать ее на откуп нерациональным формам выражения, а также оставлять «скандальный вопрос» о существовании вещей вне нас без ответа.

Историческая эпистемология в этом случае, совершив перевод, перестает трактовать реальность прошлого научной деятельности – ее объектов, субъектов, инструментов, практик, значимых событий – как незавершенную и еще не до конца познанную, отчасти все еще существующую в качестве внешней по отношению к ее эпистемологическому схватыванию. Она останавливается на признании адекватными установленных и подтвержденных закономерностей, посредством которых вписывается в систему эпистемологического знания реальная история науки: истоки возникновения научных идей, практики коммуникации, процессы получения результатов исследования. Однако в этом случае историческая эпистемология вынуждена допустить, что предложенное ею знание истории науки и жизни сообщества является достаточным и может быть практически применимо, в том числе в управлении современной научной деятельностью любыми субъектами, стремящимися это делать. Представляется, что отчасти таков был трагический исход науковедческого исследования науки как

информационной системы, – исследования, имеющего объектом изучения формализованную научную коммуникацию, а предпосылкой своей – представление о том, что научная деятельность достаточным образом репрезентируется посредством публикаций и их цитирования в базах данных. Результаты изучения в этой области превращаются к концу XX в. в средство управления научной деятельностью. Проблематичность такой ситуации, достаточно знакомая всему научному сообществу, все чаще заставляет ученых обращать внимание на границы применения собственных подходов к реальности научных практик. В этом контексте становится понятным дополнительное оправдание тезиса о еще не познанной реальности научной деятельности или о значении онтологического поворота в любых исследованиях науки, в том числе в исторической эпистемологии.

В контексте приведенного выше определения исторической эпистемологии это значение можно раскрыть через необходимость движения между реальностью научной деятельности и знанием о ней также и в противоположном направлении – *назад к реальности*. При этом сохраняется понимание работы исторической эпистемологии – организации взаимодействия реальности и знания – именно как движения, перевода, но не пребывания в определенной (эпистемологической) позиции. Остановка же в движении оказывается условием как признания вторичного статуса онтологии, так и забвения необходимости возобновлять ответ на «скандальный вопрос» о существовании вещей вне нас, в данном случае исторической реальности научной деятельности.

Важно отнестись критически и ко второй крайности – предположению самодостаточности исторической онтологии. Представляется, что онтологическая составляющая исторической эпистемологии должна трактоваться именно как *поворот*, но не как историческая онтология. В противном случае может случиться иная остановка движения, не учитывающая уроков трансцендентального поворота. Историческая онтология и историческая эпистемология в разных смыслах, но в равной степени подвергаются опасности наивности и объективизма в случае забвения необходимости поворотов – трансцендентального и онтологического. Потому следует говорить именно об исторической эпистемологии как о «теории знания» или «поиске оснований знания» [Nackling 2002, 9]. Предикат исторического подчеркивает, что речь идет об исследовании истоков знания, его базовых концептов, объектов, об обращении к тем событиям, в которых формируются и трансформируются парадигмальные основания научной деятельности, (временно) признаваемые впоследствии устойчивыми и неизменными [Daston, Galison 2010]. Однако, коль скоро трансцендентальный поворот уже определяет судьбу современных исследований научной деятельности, в том числе исторической эпистемологии, важно не упустить актуальный сегодня поворот онтологический, означающий *удержание в открытости* вопроса об истоках знания, продолжающих существовать отчасти независимо от нас, их познающих. В случае признания значения онтологического поворота отношение исторической реальности науки и знания о ней следует трактовать как слабую симметрию. Реальность определяется наблюдательной перспективой, но любая наблюдательная перспектива переопределяется реальностью. Речь идет именно о симметрии, поскольку движение осуществляется в двух направлениях, но симметрия должна трактоваться как слабая, поскольку расстояния, проходимые при этом, не равны и средства, обеспечивающие движение (перевод) в разных направлениях между знанием и реальностью, различны. В этих поворотах реализуется полнота работы современной исторической эпистемологии, и теперь следует сказать о началах ее движения.

О векторе онтологического поворота исторической эпистемологии

То, к чему обращает онтологический поворот исторической эпистемологии, следует назвать *событием*, и оно выступает началом постольку, поскольку служит основанием движения в противоположных направлениях между реальностью и знанием. С одной стороны, именно к реальности события относится эпистемологическое схватывание.

С другой стороны, его реальность оказывается вызовом и поводом переосмысления того, что уже понято и объяснено. Работа исторического эпистемолога связана с событием как началом в двух смыслах. Во-первых, он *создает определенное именование* и объяснение того, что произошло, показывая сложное переплетение практик и формирование из них устойчивых критериев научности, конкретных концептов, границ научных дисциплин и т.д. Во-вторых, он *раскрывает неопределенность истока* этого формирования, воспроизводя в историческом описании хронотоп смещения, из которого возникли привычные в современности дистинкции, например изобретения и открытия, исторического и реального, чистого и прикладного, *vita contemplativa* и *vita activa* науки [Daston 2000, 3]. Обращение к событию во втором смысле представляет собой онтологический поворот.

В своей статье И.Т. Касавин справедливо говорит о том, что событие архетипично. Представляется, что, будучи архэ, началом, а не предпосылкой, однозначно определяющей предметную сферу исследования, событие раскрывается как материал в его многообразии и вариативности, из которого создаются эпистемологические кирпичики: концепты, парадигмы, темы, исследовательские программы, критерии рациональности и т.п. Событием будет само это созидание в его целостности, единичный, актуальный акт, только в ретроспективе отсылающий к собственным возможностям или контекстам, не являющимся его причинами. Нельзя не согласиться с идеей И.Т. Касавина о том, что событие как самореферентность есть начало причинного исторического ряда [Касавин 2020, 10]. Однако следует добавить, что если рассматривать событие как то, к чему обращает онтологический поворот исторической эпистемологии, то оно должно быть началом *более чем одного* причинного ряда. Оно таково, поскольку провоцирует не только первоначальное схватывание, но также его возобновление и переосмысление. «Государство» Платона – событие для исторической эпистемологии, если оно служит началом и ренессансной республики ученых, и проблематики отношения знания и власти, и вопросу об отношении философии и науки, и еще многому другому. Расходящиеся от события причинные ряды необязательно противоречат друг другу, вступают в борьбу за существование. Они могут и даже должны дополнять друг друга, но их совместимость проблематична и становится поводом для работы².

Ярким, хотя и не единственным примером события, характеризующего реальность научной деятельности, может служить *научная революция*. Нам известно это событие в его ставших уже почти классическими рефлексиях таких известных исторических эпистемологов, как А. Коире или Т. Кун, подчеркивающих радикальный характер происшедших перемен. Однако во второй половине XX в. можно найти немало примеров иной, менее известной, но не менее значимой трактовки этого события. В ней раскрывается такое понимание научной революции, где ее первой стадией предлагается считать не разрыв, но возрождение, обращение к прошлому [Hall 1994; Schuster 2013]. Переопределение стадий не просто создает иной эпистемологический образ события, оно одновременно раскрывает его реальную избыточную полноту, выражающуюся в двусмысленности происшедшего, и мотивирует необходимость объяснения того, как обе трактовки революционных перемен в науке могут черпать из этой полноты собственную силу. Онтологический поворот, обращающий к событию научной революции, совершается не только и не столько в том, что оно высвечивается в многообразии контекстов [Дмитриев 2018], сколько в том, что оно порождает потенциально бесконечное количество эпистемологических рефлексий, вплоть до известного провокационного предположения С. Шейпина, что такого события вообще не было [Shapin 1998].

Событие, к которому обращает онтологический поворот, требует конкретной работы и раскрывается в ней, но не в прямом описании его как независимой реальности. Неслучайно в контексте антропологических научных исследований делается акцент на методологическом характере онтологического поворота, который предполагает не метафизический ответ на вопрос «как и какое сущее есть», но реализацию задачи «увидеть вещи другими, чем мы их уже знаем» [Holbraad, Pedersen 2017, 31–32]. Подчеркивание такого характера онтологического поворота будет справедливо и для

исторической эпистемологии. Л. Дастон и П. Галисон, раскрывая истоки формирования объективности как само собой разумеющейся сегодня научной ценности и критерия научности, показывают ее историческую конкретность и вариативность, ее существование наряду с иными эпистемическими ценностями и добродетелями. Они видят одну из задач собственных исторических исследований науки в том, чтобы проблематизировать аксиому «о невозможности вещам быть иными, чем мы их знаем» [Daston, Galison 2010, 376].

Работа исторической эпистемологии при совершении онтологического поворота дополняет уже включенные в определение «конституирование и использование исторического знания» еще двумя жестами. Во-первых, рефлексивным, критическим отношением к любой эпистемологической дистинкции или деятельности проблематизации, актуализирующей вопрос о реальности как находящейся вне нас³. Во-вторых, коммуникативным экспериментированием с многообразием имеющихся описаний, априори не определенным в своем результате. Эти два вида работы призваны раскрыть полноту события, провоцирующего переопределение концептов и локальную координацию порождаемых им исторических рядов⁴. Таким образом, зависимость реальности от наблюдателя в исторической эпистемологии выражается в первоначальном концептуальном определении события. Зависимость же наблюдателя от реальности заключена в возможности, действительности и необходимости поиска иного образа события, – образа, который будет в некотором роде связан с уже имеющимся. В такой слабо симметричной работе перевода создается субъект исторической эпистемологии как второе начало ее движения. Каким оказывается этот субъект и отличается ли он по профессии и призванию от историка науки, эпистемолога и иного исследователя научной деятельности?

О субъекте онтологического поворота исторической эпистемологии

В своей статье И.Т. Касавин описывает исторического эпистемолога как «формулирующего смелую догадку» и фиксирующего историческое событие, постулируя его как «первичный, исходный пункт последующей истории» [Касавин 2020, 14]. Субъект исторической эпистемологии, тем не менее, не должен считаться субъектом события, напротив, само оно в своей никогда не обходимой полноте задает границы его профессиональной судьбы. Исторический эпистемолог рождается в фиксации – именовании события, совершая перевод между реальностью и знанием в одном направлении, и умирает, совершая перевод в противоположном направлении, производя онтологический поворот. Однако это умирание следует трактовать как освобождение для нового рождения: оно «высвобождает возможность не быть больше такими, как мы есть, возможность не думать и не делать то, что мы думаем и делаем» [Фуко 2000, 145]. Таким образом, субъект исторической эпистемологии, совершающий онтологический поворот, оказывается не стабильным и самотождественным, но изменяющимся, допускающим переопределение собственной наблюдательной позиции. Только так он может соответствовать историческому событию в его неисчерпаемой полноте.

Как при этом деятельность исторического эпистемолога соотносится с деятельностью историка науки? Илья Теодорович пишет, что эпистемолог по сравнению с историком жаждет удивления [Касавин 2020, 14]. Второй трактуется как старательный собиратель фактов, не готовый и не стремящийся в этом процессе остановиться, не ищущий устойчивого основания для синтеза. Первый же демонстрирует мужество сотворения способа описания фактичности, полагания начала выстраивания истории. Эпистемолог делает, тем самым, работу историка науки «зрячей», используя ее в качестве стимула воображения и содержания собственных конструкций. Сложно не увидеть также методологического профессионального различия исторической и эпистемологической работы, включающей в первом случае критический анализ источников, а во втором концептуализацию и проблематизацию. Однако не допускает ли такое различие по профессии дополнительного установления их связи, реализуемой субъектом, призванным отвечать полноте исторического события?

Необходимость связи, совмещения в одном лице этих профессий или, по крайней мере, взаимного признания равной значимости соответствующих исследований, объясняется следующими соображениями. Во-первых, предположим, что взаимодействие историка науки и теоретика познания единственным образом описывается в известных терминах И. Лакатоса, оставляющих первого лишь поставщиком фактического материала и показывающих второго мудрым строителем историко-научной событийности. В такой ситуации пассивная роль, предписываемая историку, не будет создавать условий конструктивному дисциплинарному взаимодействию между различными исследователями науки и, как следствие, оставит проблематичным стремление к полноте историко-научного события. Во-вторых, подчеркнем отмеченную И.Т. Касавиным жажду удивления, присущую эпистемологу. Относится ли оно только к фактам, найденным историком, или также к собственным концептуальным наброскам и, особенно, к собственной наблюдательной позиции? Если верно последнее, если эпистемолог обращает это удивление и на себя и всегда «готов отбросить свою теорию» [Касавин 2020, 15], то не должны ли именно факты, обнаруженные историческим исследованием (или историко-научной составляющей работы исторического эпистемолога), поддерживать возможность радикального удивления, указывая на еще не полностью познанную реальность?

Представляется, что именно результаты работы историка науки не позволяют признать завершенность пусть хорошо, но всякий раз временно работающей концептуальной схемы и мотивируют онтологический поворот. В этом смысл активной роли историка и его равноправного взаимодействия с эпистемологом. И это, кстати, объясняет, почему современная историческая эпистемология (Л. Дастон, П. Галисон, Х.Й. Райнбергер, Я Хакинг, Б. Латур), в отличие от ранней французской версии, представленной, например, работами Г. Башляра, Ж. Кангилама, М. Фуко, находит свой собственный исток скорее в исторических исследованиях, чем в эпистемологических штудиях [Rheinberger 2012, 111]. У современных исторических эпистемологов обращение к событиям истории науки служит началом и имеет целью обсуждение современных эпистемологических проблем: событие возникновения проблемы содержит и возможность ее решения. В качестве иллюстрации можно привести одно исследование, относящееся к историческому изучению «науки архива» [Daston 2012]. В своей работе Л. Дастон описывает факты, свидетельствующие о значении исторической памяти и для исследований в области наук о природе. Примечательно, что в качестве цели исследования предъясняется раскрытие ограниченности современного эпистемологического подхода, подчеркивающего строгие дисциплинарные границы между гуманитарными науками и естествознанием, подхода, оставляющего проблематичным столь актуальную в современности междисциплинарную коммуникацию.

Рефлектирующая способность суждения может служить трансцендентальным основанием такого неиерархического отношения историка науки и эпистемолога⁵. Действительно, взаимодействие познавательных способностей в кантовской «Критике способности суждения» не подчинено нормативности понятий рассудка. Напротив, суждение здесь формируется посредством свободы воображения, схематизирующего без заранее определенного рассудком понятия [Кант 1994, 159]. Таким же образом, если следовать аналогии И. Лакатоса, и реконструкция истории науки, задаваемая концептуальным дискурсом эпистемолога, должна обнаруживать в этом контексте собственные границы. Примечательно, что максима широкого мышления, или максима способности суждения, проясняется Кантом как сопоставление собственного суждения «с суждениями других, не столько действительными, сколько возможными» [Там же, 166]. Такое мышление себя на месте другого – признаваемого в равном праве историка науки или иного исторического эпистемолога, предлагающего иную фиксацию события, – дополняет мужество самостоятельного мышления, называемое Кантом максимой рассудка. Второе служит условием создания конкретного образа истории науки, тогда как первое – его пересборки или воссоздания. В следовании этим максимами формируется и трансформируется субъект исторической эпистемологии, отвечая неисчерпаемой полноте историко-научного события как ее первого начала.

Характер взаимодействия эпистемологии и онтологии в исторических исследованиях науки (а также эпистемолога и историка) зависит от того, истолковываются ли эти позиции как стабильные и жестко различенные или признается, что между ними происходит постоянное движение. Если в концепт научного события включается возможность быть началом более чем одного причинного ряда, а в работу эпистемолога – проблематизация собственной позиции, мотивированная активной работой историка науки, и локальная координация возникающих причинных исторических рядов, то эпистемология обоснованно именуется исторической, обращающей к истоку знания, который в своей полноте всегда остается неисчерпаемым для познания. В этом случае исторический эпистемолог совершает не только первичное эпистемологическое схватывание историко-научного события, но реализует онтологический поворот к его еще не познанной реальности, предоставляя как вещам, так и себе самому возможность быть иными. Тогда каждая последующая эпистемологически фундированная онтология становится все более полной, несмотря на то что эпистемолог всегда совершает эксклюзию, используя определенные дистинкции для схватывания реальности.

Примечания

¹ Если онтология трактуется как незавершенная (open-ended ontology), то она оказывается с эпистемологией в отношениях взаимного определения [van Dijk 2020 web].

² «Только несоизмеримое стоит сравнивать; сравнивать соизмеримое – задача для бухгалтеров», пишет Вивейруш де Кастру, комментируя работу современного антрополога, стоящего перед задачей находиться между двумя пониманиями мира [Вивейруш де Кастру 2017, 56].

³ О проблеме как о необходимой форме знания пишет И.Т. Касавин в других исследованиях, например: [Касавин 2009].

⁴ Такая локальная координация, так же как и в случае формирования зон обмена между различными видами научного исследования, описываемых П. Галисоном, не становится метаобъяснением или метадисциплиной [Galison 1999]. Напротив, результатом здесь служит еще один объясняющий ряд, встраивающийся в сеть с теми, которые уже существуют, и открытый взаимодействию с теми, которые появятся позже.

⁵ Подробнее о возможности проинтерпретировать взаимодействие историка и философа науки в контексте терминологии кантовской «Критики способности суждения» см. также: [Sharoshnikova, Shipovalova 2019].

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Кант 1994 – *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994 (Kant, Immanuel, *Kritik der Urteilskraft*, Russian Translation).

Фуко 2000 – *Фуко М.* Что такое просвещение. // Ступени. Петербургский альманах. № 1 (11). СПб., 2000. С. 136–148 (Foucault, Michel, *Qu'est-ce que les Lumières?* Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Антоновский 2018 – *Антоновский А.Ю.* Онтология – чья же она все-таки дочь? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 217–216.

Вивейруш де Кастру 2017 – *Вивейруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

Гавриленко 2017 – *Гавриленко С.М.* Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 20–28.

Дмитриев 2018 – *Дмитриев И.С.* “Tempus Spargendi Lapides”: размытая структура научных революций // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 189–205.

Касавин 2000 – *Касавин И.Т.* Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: Издательство РХГИ, 2000.

Касавин 2009 – *Касавин И.Т.* Проблема как форма знания // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 5–13.

Касавин 2018 – Касавин И.Т. Научный реализм, онтология и мистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 217–221.

Касавин 2020 – Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–20.

Никифоров 2018 – Никифоров А.Л. А родился ли уже мальчик? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 203–206.

Пружинин, Щедрина 2019 – Пружинин Б.И., Щедрина И.О. Историзация философско-методологического сознания науки и нарратология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 83–91.

Столярова 2018а – Столярова О.Е. Историческая онтология как проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 194–202.

Столярова 2018б – Столярова О.Е. Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 3. С. 369–380.

Шиповалова 2018 – Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167.

References

Antonovskiy, Alexander Yu. (2018) “Ontology: Whose Child Is It?”, *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, Vol. 45, pp. 207–216 (in Russian).

Arabaztis, Theodore (2003) “Towards a historical ontology”, *Studies in History and Philosophy of Science*, Vol. 34, pp. 431–442.

Daston, Lorraine (2000) “The coming into Being of Scientific Objects. Introduction”, Daston, Lorraine, ed., *Biographies of Scientific Objects*, The University of Chicago Press, Chicago & L., pp. 1–14.

Daston, Lorraine (2012) “The Sciences of the Archive”, *Osiris*, Vol. 27, No 1, *Clio Meets Science: The Challenges of History*, pp. 156–187.

Daston, Lorraine, Galison, Peter (2010) *Objectivity*, Zone Books, New York.

Denzin, Norman K., Giardina, Michael D. (2019) *Introduction Qualitative Inquiry at a Crossroads: Political, Performative, and Methodological Reflections*, Routledge, New York.

van Dijk, Ludger (2020) web, Temporalizing ontology: a case for pragmatic emergence, *Synthese*, URL: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02615-1>

Dmitriev, Igor S. (2018) “‘Tempus Spargendi Lapides’: the Fuzzy Structure of Scientific Revolutions”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No 4, pp. 189–205 (in Russian).

Galison, Peter (1999) “Trading Zone. Coordination Action and Belief”, Biagioli, Mario, ed., *The Science Studies Reader*, Routledge, N.Y., pp 137–160.

Gavrilenko, Stanislav M. (2017) “Historical Epistemology: Zone of Uncertainty and Space for Theoretical Imagination”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 52, No. 2, pp. 20–28 (in Russian).

Hacking, Ian (2002) *Historical Ontology*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.

Hall, Marie B. (1994) *The Scientific Renaissance: 1450–1630 (The Rise of Modern Sciences)*, Dover Publications, New York.

Holbraad, Martin, Pedersen, Morten A. (2017) *The Ontological Turn*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kasavin, Ilya T. (2000) *Traditions and Interpretations: Fragments of Historical Epistemology*, Izdatelstvo RKHGI, Saint Petersburg (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2009) “Problem as a Form of Knowledge”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 22, No 4, pp. 5–13 (in Russian).

Kasavin, Ilya T. (2018) “Scientific Realism, Ontology and Mysticism”, *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, Vol. 45, pp. 203–206 (in Russian).

Lecourt, Dominique (1975) *Marxism and epistemology: Bachelard, Canguilhem, and Foucault*, NLB, London.

Kasavin, Ilya T. (2020) “Knowledge and Reality in the Historical Epistemology”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 57, No. 2, pp. 6–20 (in Russian).

Nikiforov, Aleksandr L. (2018) “Has the Boy Been Born Yet?”, *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Sotsiologii. Politologii*, Vol. 45, pp. 203–206 (in Russian).

Pruzhinin Boris I., Shchedrina Irina O. (2019) “Historization of philosophical and methodological consciousness of science and narratology”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofii i konfliktologii*, Vol. 35, No. 1, pp. 83–91 (in Russian).

Rheinberger, Hans-Jörg (2010) *On historicizing epistemology*, Stanford University Press, Stanford.

Rheinberger, Hans-Jörg (2012) “A Plea for a Historical Epistemology of Research”, *Journal for General Philosophy of Science*, Vol. 43, No. 1, pp. 105–111.

Shapin, Steven (1990) “Science and the public”, Olby, R.C., Cantor, G.N., Christie, L.R.R., Hodge, M.J.S., eds., *Companion to the history of modern science*, Routledge, London, pp. 991–1007.

Shapin, Steven (1998) *The Scientific Revolution*, University of Chicago Press, Chicago.

Shaposhnikova, Yulia V., Sipovalova, Lada V. (2019) “Imagination in action. The case of Historical Epistemology”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 56, No. 4, pp. 62–67.

Shipovalova, Lada V. (2018) “Contemporary Historical Epistemology. An Analytical Review of Research Directions”, *Tsifrovoy uchenyi: laboratoriya filosofa*, Vol. 1, No 4, pp. 153–167 (in Russian).

Schuster, John (2013) *Descartes-Agonistes: Physico-mathematics, Method & Corpuscular-Mechanism 1618–1633*, Springer, Dordrecht Heidelberg, New York, London.

Stoliarova, Olga E. (2018) “Does Historical Epistemology Imply Historical Ontology?”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, Vol. 34, No. 3, pp. 369–380 (in Russian).

Stoliarova, Olga E. (2018) “Historical Ontology as a problem”, *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, Vol. 45, pp. 194–202 (in Russian).

Viveiros de Castro, Eduardo (2009) *Metaphisiques cannibales*, PUF, Paris (Russian Translation 2017).

Сведения об авторе

ШИПОВАЛОВА Лада Владимировна –
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН.

Author’s Information

SHIPOVALOVA Lada V. –
DSc in Philosophy, Professor
at the Saint Petersburg University,
Leading Research Fellow at the Institute
of Philosophy of Russian Academy of Sciences.